

ЗАПОБІГАННЯ ЗЛОЧИННОСТІ В РЕГІОНАХ УКРАЇНИ: КОНЦЕПТУАЛЬНО-МЕТОДОЛОГІЧНИЙ ТА ПРАКСЕОЛОГІЧНИЙ ВИМІР¹

Сердюк П.П.,

*доктор юридических наук, доцент,
Національна академія прокуратури України*

Представлена наукова робота, несомненно, заметно восполнила недостаток исследований среди украинских криминологов, касающихся количественных закономерностей воздействия размера популяции региона на состояние в нём преступности. Не хотелось бы начинать с затёртой фразы о главном. Но главным представляется в исследовании А. Н. Бабенко то, что он повернул взгляд криминологов в сторону преимуществ использования регионального подхода к изучению количественных характеристик преступности, который в методологическом плане куда более перспективный, чем затопившие умы исследователей умозрительные предположения, в своей сомнительности уже давно вышедшие за берега эмпирической достоверности.

Долгое время, особенно после работы авторитета прошлого (Блувштейн Ю. Д. Криминология и математика / Ю. Д. Блувштейн. – М. : «Юрид. лит.», 1974), в которой категорически утверждалось о том, что количество народонаселения не влияет на состояние преступности в регионах, постсоветские криминологи уклонялись от того, чтобы поставить под сомнение этот тезис. Зарубежные исследователи, даже представители продвинутых криминологических школ Западной Европы и Северной Америки не то, чтобы хранили молчание по этому вопросу, скорее, высказывались против того, что от количества населения может зависеть количество преступлений. Но так было не всегда, есть немногие исследования, в котором тезис о корреляции между количеством народонаселения и количеством преступлений не только не шельмовался, но и ставился во главу. Однако из-за переоцененного значения пропорций делались неправильные выводы. К тому же, за исследователями часто бродит призрак относительного измерения преступности, относительно аналитической единицы на 10 000 или 100 000 населения. Не удалось убежать от этого призрака и автору рецензируемого исследования. Хотя, к чести автора монографии, он прямо заявляет о том, что количество населения в южных и восточных регионах Украины имеет очевидную корреляцию с большим количеством зарегистрированных преступлений, а меньшее население западных, северных и центральных регионов сказывается на меньшем количестве преступлений в них. К сожалению, исследователю не удалось удержаться на этой позиции до конца, поскольку он нередко сходил к умозрительным предположениям о дополнительном влиянии религии, культуры и прочих подобных факторов на состояние преступности в регионах, то есть основывался

на аргументах, жизненность которых по сей день не доказана, поскольку поныне никто не удосужился проверить их с помощью непротиворечивой математической методики.

Вряд ли можно посчитать праздным внимание исследователя к такому вопросу, как плотность населения и преступность. Возьмём предположение автора о том, что плотность населения регионов имеет непосредственное влияние на количество совершаемых преступлений в нём (с. 107, 203, 236-237, 244). Исследователь говорит о высокой концентрации населения в одной местности, как о факторе, влияющем на состояние преступности. Но исследования в более чем двух десятках стран мира, с учётом различий в географии, экономике культуре и пр., демонстрируют нам, напротив, отсутствие связи между плотностью населения и количеством зарегистрированных преступлений. Более важную роль играет тут количество населения, а не его плотность. В тех случаях, когда наблюдается большее количество зарегистрированных преступлений в регионе с большей плотностью населения, чем в сравниваемом, то тут сказывается большее количество населения. Если же количество населения в регионе меньше, чем в сравниваемом, а плотность больше, то ожидать большее количество совершаемых преступлений, зачастую, не приходится. Если Вы сомневаетесь в этом тезисе, то возьмите данные по крупнейшим городам разных стран, и сравните параметры плотности народонаселения, его количества, и количества зарегистрированных преступлений. Увидите, что получится. Это, конечно, обескураживает, поскольку хотелось бы, чтобы мир был более предсказуем. Ведь так легко воспринять, что плотность популяции влияет на многие факторы социальной жизни, почему это не должна быть преступность? Увы, не знаю, но факты говорят, что плотность не влияет, а вот количество населения – да. Это проще объяснить с точки зрения теории вероятности. Да и сам автор указывает, что влияние плотности населения на состояние преступности в регионе подтверждалось не всегда. В Украине оно подтверждалось, как правило, в восточных многонаселённых регионах. А в западных регионах высокая плотность населения, как коррелят преступности, на его взгляд, гасится влиянием антикриминогенных факторов социально-психологического и культурного характера (с. 239). И в этом смысле, исследование автора сразу же теряет в весе, поскольку в таком случае он не рассматривает плотность народонаселения, как коррелят, а просто, как случайное совпадение. В проти-

¹ Рецензия на монографию Бабенко А.Н. «Запобігання злочинності в регіонах України: концептуально-методологічний та праксеологічний вимір: [монографія] / А. М. Бабенко – Одеса: ОДУВС, 2014. – 416 с.»

вном случае, его воздействие имело бы равную силу, а иные факторы могли бы влиять на колебания, но исследователь не взял это во внимание, тем самым нарушив стройность теории.

Печально и то, что исследователь с излишним доверием отнёсся к методу Г. И. Забрянского, который темпы прироста народонаселения связывал с темпами прироста преступлений в прямой пропорции. Грубость такого измерения видится в том, что увеличение или уменьшение народонаселения за десятилетний период, который использовал автор монографии, не сможет дать ощутимого вклада в состояние преступности, поскольку в Украине за этот период умерло 8 154 600 человек, преимущественно, пожилого возраста, то есть возрастной группы, которая наименее криминально активна. Но за 10-летний период в 2011 г. к возрастной группе уголовно-деликтоспособных лиц добавилось ещё 5 658 621 человек, насытив те возрастные когорты, которые, напротив, наиболее криминально активные. Выходит, что общее уменьшение популяции произошло за счёт пожилых людей. Учёт рождаемости в этом случае излишний, так как за десять лет, начиная с точки отсчёта, рождённые, не достигнут соответствующего возраста уголовной деликтоспособности. В основу этих расчётов нужно положить такие формулы:

$$G_{cp} = P^t + P_{cd}^{t+1} - P_d + \varepsilon;$$

$$- C^{t+1}, C^{t+1} < C^t; C^t + C^{t+1}, C^{t+1} > C^t,$$

где G_{cp} – изменения народонаселения и преступности, P^t количество населения в исходный год подсчёта, P_{cd}^{t+1} – количество увеличившегося уголовно-деликтоспособного населения в итоговый год подсчёта, P_d – количество умершего населения, ε – погрешность, которая выражается в количестве умершего населения в возрасте от 14 до 50 лет, C_t – количество преступлений в исходный год подсчёта, $C^{(t+1)}$ – количество преступлений в итоговый год подсчёта. Что и требовалось доказать. Исползованный же автором подход не учитывает важных изменений, когда берется даже за 10-летний период. При этом прискорбно, что на его основании делаются оценки о качественных изменениях с такими выражениями, как «катастрофическая криминогенная ситуация». Этот эмоциональный приговор, конечно же, далёк от точности. При том, что его сторонники ожидают равных пропорций изменений между количеством народонаселения и количеством преступлений.

Народонаселение играет роль коррелята, который будет создавать барьер для амплитуды колебаний преступности, но ожидать пропорциональности между колебаниями народонаселения, и колебаниями преступности, было бы явной наивностью. Скажем, если количество народонаселения уменьшилось на 8%, не стоит ожидать уменьшение преступлений именно на 8%. Это может быть и иная пропорция, но при этом не нужно поднимать панику в связи с тем, что количество народонаселения уменьши-

лось на 8%, а количество зарегистрированных преступлений увеличилось на 2,4%. Это не означает криминогенной катастрофы (с. 110, 144). Так это не работает. Выходит, что уменьшение населения за счёт рождаемости и престарелого населения не обязательно могло повлиять на уменьшение совершаемых преступлений. Но не только это нужно учитывать. Важно подчеркнуть, что, к примеру, за 10-летний период изменение количества народонаселения в наиболее криминально-активных группах населения не обязательно должно приводить к пропорциональному изменению количества преступлений. Необходимо понимать, что количество народонаселения оказывает воздействие на границы колебаний преступности, за которые она не может выходить. Так, количество народонаселения может быть для нас ориентиром в определении границ колебаний преступности, а бездоказательное утверждение криминологов о том, что пропорция между количеством человек определённой возрастной группы, и количеством преступлений, должна быть равной, никуда не годиться. Печально отметить, что на этом зиждется уже имеющий долгую историю метод определения уровня латентности преступлений, но на проверку, он сомнителен.

Уверенность в том, что состояние преступности стоит оценивать в зависимости от того, какой удельный вес соответствующей возрастной группы в составе населения, и какая доля совершаемых ею преступлений в составе общей преступности, хотя и выглядит привлекательно, но от этого она не становится более весомой. Вот, например, автор монографии указывает, что удельный вес преступности несовершеннолетних за 2001–2012 гг. составлял 8,39%, а в структуре населения возрастная группа от 14 до 18 лет составляет 5,9%. В итоге, исследователь приходит к выводу, что удельный вес преступности несовершеннолетних на 30% превышает удельный вес этой возрастной группы в составе населения страны, что, по его мнению, свидетельствует о существенном поражении общества преступностью несовершеннолетних (с. 148). Исходя из такого подхода, можно с такой же уверенностью говорить, что уровень заболеваемости несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет в Украине непропорционально выше, чем размер этой возрастной группы. Уровень заболеваемости несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет по официальным данным составляет 62,2% к удельному весу этой возрастной группы (5,9%). Население в возрасте от 60 лет и старше составляет 36,6% в общем составе населения, а уровень заболеваемости в течение одного года – 34%. Сторонники вышеуказанного подхода сказали бы, что заболеваемость пожилого населения с менее сильной иммунной системой находится в норме, поскольку существенно не превышает размеров удельного веса этой возрастной группы. А вот в отношении несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет, их оценки были бы неутешительными, но, спрашивается, с чего бы? Не означает ли это, что в стране эпидемия заболеваемости несовершеннолетних наподобие криминогенной катастрофы? Отнюдь.

Автор монографії, в угоду духу времени, в своем исследовании возлагает на религию и религиозность способности, которые были от начала преувеличены. История спора о том, как религиозность в роли неформального средства социального контроля, куда лучше справляется с преступностью, чем формальные социальные средства контроля, имеет давние корни. Понятно, что религиозным исследователям хотелось бы видеть корреляцию между более высоким уровнем религиозности и более низким уровнем преступности. Представители же клира, и вовсе, застолбили за своей религией монополию на то, чтобы быть единственным источником нравственности и добродетели. Чаяния о том, что религиозность сокращает преступность опровергались и в прошлом (Шейнман М. Религиозность и преступность. М., 1927), опровергаются и в настоящем. Автор монографии правильно обратил внимание на корреляцию между количеством народонаселения в регионе, и количеством совершаемых преступлений в нём. Он небезосновательно увидел связь в этом, оценивая разницу в состоянии преступности в западных и восточных регионах Украины. Но вряд ли есть коррелирующая связь между состоянием религиозности в западных регионах Украины, и показателями преступности в них. А.Н. Бабенко, используя коэффициент количества религиозных организаций на 100 000 населения в регионах Украины, приходит к выводу о корреляции между этим коэффициентом и состоянием преступности (с. 240, 246, 261). Исследователь утверждает, что религиозные люди характеризуются значительно более высоким уровнем уважения к закону (с. 262). Но так ли это? Очевидно, что нет. Если посмотреть другие отличия, основываясь на официальных статистических данных, то в западных регионах по сравнению с восточными и южными регионами Украины, больше не только религиозных организаций по количеству, но больше и библиотек. Однако же вряд ли кто станет утверждать, что между количеством библиотек в регионе, и количеством совершаемых преступлений существует корреляция. Хотя, скорее, между количеством библиотек и уровнем преступности существует корреляция, чем между религиозностью населения и преступностью. Существует масса современных данных, свидетельствующих о том, что религиозность в регионе не способствует лучшим показателям в моральной статистике. С. Харрис отмечает на примере современных США, что в наиболее религиозных штатах, так называемых «красных штатах» совершается 62% насильственных престу-

плений, а в менее набожных («синих штатах») – 38% (Harris S. Letter to a Christian Nation / Sam Harris. New-York, 2006, p. 15). И это вполне понятно, ведь количество населения в «красных штатах» значительно больше, особенно в тех городах, по которым эти обобщения делались, чем в «синих штатах». Исследования показывают, что религиозные люди, вопреки обывательским представлениям, в своей массе, менее дружелюбны и сострадательны, чем атеисты (Saslow L., Willer R. My Brother's Keeper? Compassion Predicts Generosity More Among Less Religious Individuals / Laura R. Saslow, Robb Willer // Social Psychological and Personality Science. – 2013. – Vol. 4, № 1, P. 31-38), а эмпирические исследования всегда благоволят истине больше, чем принятие привычных оценок на веру. По сему, предположение, что религиозность жителей региона способствует уменьшенным показателям преступности, неосновательно. Здесь, скорее, ведущую роль играет такой коррелят, как количество населения региона.

Исследователь уделил свое внимание вопросу влияния обычаев и традиций на предупреждение преступлений в регионах (с. 305-310), представляя его, как ранее не исследованный. Внимание к этому не лишено смысла, поскольку одним из самых малоизученных остаётся реальный превентивный потенциал социальных норм. Однако его характеристики зиждутся на предположениях, лишённых измерительной составляющей исследования, которая позволила бы проследить наличие связей.

Указанная выше критика не колеблет важности работы, наоборот, является проявлением начала научной дискуссии. Уверен, что полемичная форма рецензирования – наиболее полезная в приращении наук. В целом, по своей структуре, содержанию, объёму и уровню представленная монография соответствует требованиям к монографиям, которые подаются на соискание ученой степени доктора наук, утвержденным приказом Министерства образования и науки, молодежи и спорта Украины от 17.10.2012 г., № 1112.

Учитывая изложенное, монография А. Н. Бабенко «Запобігання злочинності в регіонах України: концептуально-методологічний та праксеологічний вимір: [монографія] / А. М. Бабенко – Одеса: ОДУВС, 2014. – 416 с.» может быть рекомендованной не только для использования в исследовательской работе, но и для практических работников, в образовательных целях, и для широкого круга читателей, интересующихся проблемами измерения состояния преступности.